

ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

ПРОЗА

**АНДРЕЯ
ОСТАЛЬСКОГО**

ГЛАВА I

Чертовщина в святилище

1

Посторонний человек, неизвестно как проникший в здание ЦК КПСС, был замечен в первом подъезде, на третьем этаже, недалеко от кабинета секретаря по идеологии товарища Фофанова, Григория Ильича. Собственно, именно товарищ Фофанов его и заметил. Вернувшись в свой кабинет от Генерального около четырех часов, он вызвал дежурного по комендатуре, полковника госбезопасности Софрончука Н.А. Такое не часто бывало — чтобы секретари вызывали к себе, и Софрончук был втайне недоволен: ну что еще за фантазии, в самом деле! Ясное дело, недоразумение. Ерунда какая-нибудь, посетитель забрел по ошибке не туда. Ну, да, возможно, имеет место нарушение режима. Разбираться надо, меры принимать (ух, держись, начальник смены первого подъезда майор Гришаков, готовься к головомолке!). Но не срывать же из-за этого с места второго человека в комендатуре, у которого и без того дел по горло! Софрончуку виделось в этом некое барство, в котором Фофанова многие давно подозревали, а может быть, даже и вызов, желание унижить старого чекиста. У него даже мелькнула мысль: позвонить начальнику «девятки»

Ульянову и пожаловаться. Но потом он сообразил, что это была бы невероятная глупость — не разобравшись, вовлекать начальство. Все равно что взять и заложить самого себя раньше времени. Делать нечего — захватил полковник с собой побелевшего от таких новостей Гришакова и пошел. По дороге Софрончук с майором не разговаривал и сурово смотрел мимо него, но потом вдруг понял, что срывает на подчиненном злость. А потому в последний момент, уже в коридоре перед самой дверью с табличкой «Тов. Фофанов Г.И.», хлопнул его по плечу, сказал бессмысленную фразу: «Кобель не выдаст, свинья не съест!», и решительно взялся за сверкающую медную ручку.

В предбаннике у Фофанова сидело несколько важного вида партийных дядей в костюмах и галстуках, а также известный полуоппозиционный поэт, дико смотревшийся здесь со своими длинными космами. В другой раз Софрончук рассмотрел бы его, гада, повнимательней, но сейчас было не до него. Дежурный помощник Фофанова сразу же вскочил из-за стола, пробормотал «подождите», а сам кинулся к шефу за толстую, обитую кожей дверь — видно, был предупрежден, ждал. Тут же, в углу предбанника, сидел и прикрепленный офицер от «девятки». Софрончук повернулся к нему, кивнул вопросительно: что за хипиш? Но тот лишь покачал головой и пожал плечами: дескать, извините, ничем не могу помочь, не мой вопрос, сами разбирайтесь.

Софрончук всегда поражался размерам секретарских кабинетов — ну, зачем такие залы, в самом-то деле. Нескромно как-то и вряд ли практично. Правда, эффективно с точки зрения психологического воздействия на посетителя, ничего не скажешь. Ну, и самолюбие тешит, это уж само собой. В самый раз для партийного барина. А ведь Ленин писал про комчванство, предупреждал.

Когда дверь за помощником закрылась, Софрончук с Гришаковым оказались стоящими навтыжку в кон-

це огромного кабинета. Они не знали, можно ли им приблизиться к письменному столу у дальнего окна, за которым заседал невзрачный плешивый человечиска. Фофанов что-то сердито читал, не отрываясь, делал вид, что не замечает вошедших — известный прием. Наконец, соизволил поднять глаза и сказал: «Товарищ полковник, я вас, кажется, одного вызывал». «Виноват, товарищ секретарь ЦК КПСС! Со мной начальник смены майор госбезопасности Гришаков!» Софрончук знал, что, в случае чего, всегда неплохо выправку хорошую показать, выпучить вот так вот глаза и гаркнуть как следует. Ну, что с солдата возьмешь?

Фофанов поморщился, но махнул рукой: подойдите! С близкого расстояния он уже не казался таким маленьким — вполне среднего роста руководящий товарищ, просто стол несоразмерно большой.

— Я только что видел в ЦК постороннего человека, — поджав губы, сказал Фофанов. — Здесь, на третьем этаже. Когда я вышел из лифта, он поворачивал за угол — по коридору направо. Я шел за ним, видел его спину. В конце коридора он обернулся, так что я и лицо его рассмотрел. У него черные волосы и усики такие дурацкие — как у Гитлера. Или как у Чаплина.

— Товарищ секретарь ЦК КПСС, разрешите вопрос.

— Валяйте.

— Извиняюсь, но как вы определили, что он — посторонний? Не новый сотрудник, например, которого вы в лицо не знаете? Или, скажем, не кто-нибудь временный, на замену присланный? Или из другого подъезда кто-то по делу зашел. Или посетитель...

— Не держите меня за идиота, полковник, — Фофанов вдруг посмотрел на Софрончука стальными страшными глазами. («Нет, секретарями ЦК просто так не становятся!») — Если бы я не был абсолютно уверен, что это именно посторонний, я не стал бы тратить попусту своего времени. И вашего тоже.

Фофанов помолчал, видимо, сдерживая раздражение. Посмотрел в разложенные на столе бумаги, будто читал там что-то. Софрончук догадался, что ему тоже следует почтительно помолчать. Наконец Фофанов пожевал губы и сказал:

— Во-первых, перед тем как свернуть за угол, этот тип улыбнулся мне и помахал ручкой. Даже, кажется, подмигнул. Ни сотрудники ЦК, ни посетители первого подъезда так развязно себя вести не станут. Исключено. Кроме того, он был одет... Нет, вы только представьте себе! Он был одет в смокинг, с бабочкой! И ботинки черные, лакированные, на весь коридор блестят, смотреть больно!

— Может, артист какой? Певец оперный... С этих станется, могут так и в ЦК явиться, — неожиданно вступил в разговор Гришаков.

— Чушь! — отрезал Фофанов. — Я вам еще одной детали не успел сообщить: у этого типа в руках было большое серебряное блюдо или поднос какой-то, не знаю...

— Может, бубен? — радостно предположил Гришаков.

Фофанов смерил майора таким уничтожающим взглядом, что тому захотелось сквозь землю провалиться. Он весь сжался и лишь с надеждой смотрел на начальника — выручай!

— Есть еще один вариант, — откашлявшись, сказал Софрончук. — Это может быть прислуга, официант из Кремля. Там сегодня прием с иностранцами. Ну, и кто-то вызвал его сюда, а он, небось, заблудился. А насчет подмигивания и прочего, так это он, наверно, с перепугу. Ну, или выпил.

Выпил! Ну, конечно! Вечное и совершенно универсальное русское объяснение, чаще всего оказывающееся верным. Но в данном случае Фофанов был совершенно уверен: встреченный им человек пьян не был. И ла-

кеем он не был тоже. И даже на артиста не тянул: не то выражение лица. Но объяснять этим солдафонам про разные выражения лиц было бесполезно. Пустая трата времени. А ведь вроде как учат их там, в этих их высших школах и краснознаменных институтах наукам всяким, в том числе якобы психологии. Только учеба, видать, не впрок. Сплошные, наверно, цитаты из Маркса-Ленина, теория отражения всякая и прочее, а не психология. Ему ли, секретарю по идеологии, не знать.

И было еще одно обстоятельство, о котором Фофанов умолчал: смокинг на нахале был не того покроя, что носит прислуга. Фофанов достаточно часто бывал на приемах и раутах, чтобы отличить один класс от другого. Такой смокинг мог бы носить какой-нибудь Чрезвычайный и Полномочный. Или министр. Или какой-нибудь мистер Твистер, владелец заводов, газет, пароходов и чего там еще? Но почему-то Фофанову не захотелось афишировать свои знания в этой области.

А если не брать в расчет психологии и качества смокинга, то приходилось признать, что теория насчет официанта из Кремля имела право на существование. Фофанов даже вдруг вспомнил, что нечто подобное как-то случилось у него на глазах. Пару лет назад секретарь по оборонным вопросам Попов, после очередного успешного пуска, приняв уже изрядно на грудь, вдруг потребовал, чтобы ему прямо из Кремля (и немедленно!) доставили «выпить и закусить — чего у них там с приема осталось». И ведь доставили — как миленькие! Только никаких смокингов на прислуге вроде бы не было. Но какой, однако, был тогда устроен пир на весь мир. На всю Старую площадь, по крайней мере. Фофанов брезгливо поморщился от этих воспоминаний и сказал:

— Что мы тут с вами занимаемся теоретизированием? Извольте провести тщательное служебное расследование! Доложить через двадцать четыре часа!

— Есть, товарищ секретарь ЦК КПСС! — в две глотки радостно гаркнули Софрончук и Гришаков: на сегодня их мучение кончилось.

2

Расследование дало противоречивые результаты. Настолько, что Софрончук решил: это как раз один из тех достаточно частых случаев в чекистской практике, когда собранным данным надо давать политическую интерпретацию. Можно и так повернуть, и этак. С одной стороны, подавляющее большинство опрошенных обитателей первого подъезда посторонних не видело. Бюро пропусков не зарегистрировало ни одного певца или артиста. Официантов тоже никаких в списках не значилось, если не считать буфетчицы Надежды Павловны, она же баба Надя, доставлявшей, как всегда, горячую еду в опечатанных судках из центрального буфета. Но трудновато было представить ее в смокинге.

С другой стороны, несколько человек неожиданно внесли смуту. «Кто-то мелькнул такой, странный», — заявил вдруг сотрудник технического секретариата Николенков. Правда, по его словам, подозрительный тип был одет в самый обыкновенный серый костюм. Но какое-то подобие блюда или другого круглого предмета в руках потенциального нарушителя режима было товарищем Николенковым отмечено. Правда, без окончательной уверенности. Зато референт товарища Усманова — товарищ Буня — утверждал, что видел-таки человека в смокинге. Правда, вроде бы в другое время и на другом этаже, и даже насчет дня происшествия не был уверен, сегодня это было или вчера, а может, позавчера. «Чепуха, — думал Софрончук, — известное дело — свидетельские фантазии! Каждый опер с этим сталкивался и знает, что только дай им волю, что хочешь тебе подтвердят!» Но кто доконал Софрончука,

так это баба Надя, заявившая, что «каждый день, почитай, всякие шляются, норовят пожрать цековских харчей, особенно шатенка одна надоела». И что, именно в первом подъезде шатенка в тот день обреталась? Да, да, именно, и в первом тоже, но вообще она всюду шастает, кто ей только пропуска выписывает. Это сообщение Софрончука несколько обескуражило. «Чертовщина какая, — думал он, — или путает что-то баба Надя?» Сдает, видать, старая, а раньше-то — наблюдательная была, не хуже любого профессионала. Очень ее ценили в комендатуре.

Короче говоря, решил Софрончук повернуть дело так, как ему хотелось. Руководствуясь не столько здравым смыслом (хотя и им тоже: какие еще, к лешему, в ЦК посторонние, да еще в первом подъезде!), сколько желанием насолить слегка Фофанову, выставить его в дурацком свете. Не последнюю роль в этом решении играли и смутные, но упорные слухи о неких тучах, вроде бы сгущавшихся над головой секретаря по идеологии. О-го-го, сколько надо на этой работе всего держать в голове! Это вам не в территориальном управлении мух давить. Опять же сам Ульянов просил «держатъ его в курсе» и намекнул, что хорошо бы вся эта история рассосалась как-нибудь так, без последствий.

Ну, и пошел Софрончук к Фофанову и, сделав стеклянные глаза и тупую морду, доложил: так, мол, и так, товарищ Секретарь ЦК КПСС, оперативными методами проведена проверка и никакого нарушения режима не выявлено!

Но Софрончук Фофанова недооценил.

— Значит, вы, голубчик, утверждаете, что никакого человека в смокинге в первом подъезде в тот день не было? — ласково сказал Фофанов.

— Так точно, товарищ Секретарь ЦК КПСС! — рявкнул Софрончук, а сам подумал: «Какой я тебе еще

голубчик! Надо же, как старшего офицера КГБ называет, да еще при исполнении!»

— А про меня вы что, стало быть, заключаете? Что у меня галлюцинации, или как? — спросил Фофанов и улыбнулся.

— Никак нет!

— А что же тогда?

— Такая задача не ставилась, товарищ Секретарь!

— Как вы говорите? Какая задача «не ставилась»?

— Задача «про вас заключать» не ставилась!

Тут, видно, до Фофанова дошло, что Софрончук над ним издевается. Он побагровел, зашевелил толстыми губами, уставился в стол. А Софрончук смотрел на него весело, наслаждаясь моментом. Наконец Фофанов поднял глаза на Софрончука и заговорил тихо, почти шепотом:

— А у меня, товарищ полковник, другие сведения имеются. Товарищ... э-э... товарищ Буня... да, Буня, тоже видел в подъезде человека в смокинге!

— Так точно, товарищ Секретарь, но это было в другой день!

— А по моим сведениям, именно в тот самый день и было! А вы, как я вижу, небрежно подошли к полученному заданию. И я вам, между прочим, не какой-то там «секретарь», а Секретарь ЦК КПСС. Или вы не понимаете разницы? — Теперь Фофанов смотрел на офицера не мигая и говорил громко, звеня металлом.

Софрончук был ошеломлен. Откуда старпер хренов про Буню-то проведал? Ведь беседа с референтом происходила с глазу на глаз. И Буня хорош тоже, обещал же никому о том разговоре — ни слова! Надо будет ему крылышки при случае подрезать, сукину сыну, за такие дела! Но это все — потом, сейчас надо Фофанова унять. И Софрончук заорал, изо всех сил пуча глаза:

— Виноват, исправлюсь, товарищ Секретарь ЦК КПСС!

— Вы мне тут не кричите. А лучше подумайте о своем положении. Вы ведь фактически пытаетесь — да, да, получается так! — покрыть серьезнейшее нарушение режима. Возможно, речь идет даже о реальной опасности для руководства партии. Я должен еще подумать, посоветоваться с товарищами, не пора ли ставить в известность Генерального.

«Ну, это ты, положим, врешь, хрен старый, ничего ты не пойдешь с такой фигней к Генеральному... но болтать можешь начать где ни попадя... уж скорей бы сняли тебя, что ли...» — тоскливо думал Софрончук, а сам смотрел на Фофанова с неподдельной любовью и преданностью в глазах.

3

А узнал Фофанов о существовании товарища Буни неординарным образом. Случилось это в тот же достопамятный день, когда состоялось первое явление постороннего. Как только Софрончук с Гришаковым покинули его кабинет, Фофанов пошел в комнату отдыха, снял пиджак и прилег на кожаный диван. Он всегда так поступал, когда происходил «перегрев системы», когда надо было отвлечься от текучки и всяких дурацких сиюминутных проблем, вроде вот этой загадки человека в смокинге. Обычно он лежал, закрыв глаза, диван приятно охлаждал спину сквозь рубашку, и он постепенно впадал в некое подобие легкого транса, когда вдруг думалось очень хорошо и быстро. Конечно, в приемной мог томиться какой-нибудь посетитель, но сегодня среди них не было ни одного настолько уж важного, чтобы нельзя было дать себе несколько минут передышки. Разве что поэт этот... Ничего, ему полезно... Вообще-то в ЦК все обычно расписано по минутам, и «маринуют» в приемных разве что в форс-мажорных обстоятельствах или — изредка — в качестве воспитательного

средства. Сам Фофанов такой педагогики не одобрял, но сегодня решил сделать исключение, а заодно урвать несколько минут для сосредоточенного размышления.

Подумать Фофанову было о чем. Последние месяцы — очень трудно было точно определить время, когда это началось — в его положении стало что-то неуловимо меняться. Некие трещинки, едва видимые невороуженным глазом, появились в доселе прочных сводах его вселенной. Главное — это всегда главное! — что-то менялось в отношении к нему Генерального, и Фофанову совсем не нравилось направление этих перемен. Нет, внешне все оставалось прежним — Генеральный всегда и со всеми был суховат, не терпел фамильярности, в отличие от своих предшественников, обращался к подчиненным на «вы». Фофанов и сам никогда никому не тыкал, но именно теперь коллеги обратили на это внимание и стали подозревать в подхалимаже и обезьянничанье. А он что, спрашивается, должен менять свой стиль, чтобы под старых хамов подделываться? Чтобы не выделяться, что ли? Нет уж, извините!

Было время, Фофанову казалось, что в аппарате смирились с его некоторой непохожестью. Все-таки карьера его специфична, он не возглавлял никогда никаких обкомов, не учился в партшколах, он ученый, философ, хранитель священного огня, марксистской догмы. Неужели же ждать от него такой же бессвязной матерной речи, как от какого-нибудь Попова, который вырос без отца, институтов не кончал, а русский язык учил в ремесленном и в армии? И еще ВПШ потом, но это вообще не учеба... И, ну да, хорошо, хорошо, техникум он еще закончил какой-то когда-то, среднее специальное, видите ли... Но он-то, Фофанов, он — доктор, профессор, академик, в конце концов! Какого дьявола должен он подстраиваться под Попова и остальных?

Но кто-то Генеральному явно на Фофанова капал. Прибора не существует, чтобы такие вещи измерять, но

сухость вроде как стала на миллиграмм суше. Холодность еще на градус холоднее. И, наконец, в последний раз его вообще не позвали на охоту в Завидово! После выходных Фофанов спросил Генерального, как тот провел уикенд. И, получив невнятный ответ, легким, вроде бы шуточным образом осведомился, почему на этот раз его, Фофанова, не пригласили. Генеральный помолчал мрачно, а потом сказал: «Вы же охоту не любите, что толку вас звать». И это была правда: Фофанов старался избегать стрельбы, а если обстоятельства все-таки принуждали его брать в руки карабин, то старался целиться тщательно, чтобы случайно не попасть в какое-нибудь живое существо. Но ведь все все понимали! Генеральный и сам не был страстным любителем охоты, не то что его предшественник. Поездки в Завидово остались неким ритуалом, способом собрать в неофициальной обстановке ближний круг, пообщаться за ужином и за рюмкой (последнее — для желающих, сам Генеральный почти не пил). За столом после охоты обсуждалась тактика и стратегия, определялись важнейшие кадровые решения. Генеральный мог иногда намекнуть на ошибки подчиненных, которых не хотел унижать публичной критикой.

Неужели Фофанова исключили теперь из этого ближнего круга? Или надо воспринимать это *неприглашение* как своего рода серьезное предупреждение? Но предупреждение о чем? В чем, черт возьми, он провинился? Зря, зря он успокоился, решил, что коллеги смирились с его существованием. Нет, копают под него, мерзавцы, еще как копают! Но кто? Попов? Ну, этот всегда с удовольствием поддержит любую бяку против Фофанова, просто из классовой ненависти, но самостоятельной роли он играть не может. Предсовмина Куколев? Нет, этому не до войн, он стар и болен, ему лишь бы как-нибудь самому продержаться подольше. И секретарю по промышленности и строительству